

**СЛОВСОСЛОЖЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ИМПЛИКАЦИИ
СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
(на материале немецкой публицистики и прессы)**

Исторически сложилось так, что основное внимание исследователей, занимающихся проблемами субстантивного словосложения в немецком языке, сосредоточено, главным образом, на описании структурных и семантических отношений между компонентами словарных конструкций [Н.Рау!, М.Д.Степанова, В.Фляйшер, В.М.Павлов, А.И.Фефилов]. Тем не менее, особенностью немецких субстантивных композитов является их близость к синтаксическим единицам – словосочетаниям, что, по нашему мнению, дает возможность в ряде случаев рассматривать их как миниконтекст для реализации разного рода стилистических фигур и тропов [сравни Е.И.Шендельс]. Тем не менее, стилистические функции композитов до сих пор в должной мере не систематизированы. В литературе встречаются лишь отдельные упоминания о возможностях их метафоризации [E.Riesel, E.Schendels], о характерных для них стилистических коннотациях [A.Ladissow], об их способности служить средством компрессии информации [Г.В.Глухов]. Отдельные стилистические функции композитов рассматриваются наряду с функциями других лексических единиц (простых и производных слов и словосочетаний). Возможности композитов к гиперболизации отмечаются в работе Е.В.Поликарповой, их пейоративные функции – в работе Н.Б.Савинкиной и др.

Целью настоящей статьи является систематизация стилистически релевантных субстантивных композитов, имплицитующих экспрессивность или образность. Материалом анализа послужили публицистические статьи в журналах «Stern», «Spiegel», «Kulturchronik» и некоторых газетах. Предметом анализа послужили основные стилистические тропы и фигуры, создаваемые с помощью сложных существительных: метафора, метонимия, перифраза, аллюзия, эпитет, гипербола, сравнение, эмпфаза, оксюморон и некоторые другие. Проанализирован материал примерно в 1000 текстовых единиц. Исследование показало, что представленный эмпирический материал далеко не гомогенен по своей стили-

* © Беспалова Е.В., 2000.

стической принадлежности. В силу этого мы предлагаем условно подразделять его на две большие группы. К первой могут быть отнесены те единицы, образность или экспрессивность которых формируется в рамках самого композита за счет разного рода комбинирования составляющих элементов. К этой группе тяготеют метафора, метонимия, оксюморон, эпитет, ремотивация. Вторую образуют композиты, экспрессивность и образность которых формируется за счет дискурсивного или культурологического контекста. Это контекстуальные метафоры, хиазм, перифразы и разного рода аллюзии и реминисценции. С точки зрения функциональной специфики их стилистической принадлежности удалось выявить следующие характеристики:

1. Особенностью композитов первой группы является специфическая комбинаторика непосредственных составляющих в рамках самого композита, за счет которой создается образность или экспрессивность. Разновидности этой комбинаторики формируют различные стилистические средства. Нам удалось выделить следующие виды внутренней комбинаторики, с помощью которых имплицитно стилистические фигуры и тропы.

1. Основной характеристикой наиболее распространенного вида комбинаторики является семантическое противоречие между непосредственными составляющими композита. Другими словами, имеет место нарушение семантического согласования между ними [сравни Шендельс]. За счет этого возникает метафора, позволяющая «думать об одной области через призму другой» [А.Ченки, 351]. Этот вид комбинаторики можно назвать диссонантным. Наиболее типичным случаем семантического диссонанса является так называемая персонификация, когда на неодушевленный предмет или понятие переносятся свойства лица или деятеля. Эти свойства не выражены явно, а имплицитованы и «расшифровываются» в сочетании с другим компонентом композита. Ср.:

Viele Japaner sehen in dem *Kostenkiller* einen Retter (Spiegel, Nr. 43, 1999).

В примере речь идет о внедрении на японский рынок французской фирмы, которая стремится к экономии расходов и потому получает образное наименование «Kostenkiller». Первый компонент композита обозначает неодушевленное понятие «расходы», второй является калькой с английского и обозначает «убийцу». В составе композита первый компонент переосмысливается, получая свойства живого существа, которое можно убить. Учитывая, что «киллер» обозначает, как правило, заказного убийцу, можно предположить в семантике композита указание на спланированный характер акции. Тем самым неодушевленное понятие имплицитно переводится в ранг одушевленного лица.

1а. Разновидностью диссонантной комбинаторики является комбинаторика, основанная на семантической и функциональной антитезе. Такая комбинаторика дает стилистическую фигуру оксюморон. Например:

Im großen Hörsaal... spricht die Hamburger Theologin ... vom lebensfeindlichen Denken des «*Technopatriarchats*». (Spiegel, Nr 26, 1997).

Непосредственные составляющие композита образуют семантическую антитезу, поскольку первый из них ассоциируется с техническим прогрессом, а второй – с архаичным укладом жизни.

2. Для другой разновидности комбинаторики характерно смещение основного коммуникативного акцента на один из составляющих элементов композита. Чаще всего эту функцию берет на себя первый компонент сложного слова, в то время как второй его компонент характеризует предмет или понятие во всем его объеме. Фактически между компонентами композита возникает метонимическое отношение смежности, близкое отношению *pars pro toto* с той разницей, что «целое» в данном случае тоже называется. Подобного рода смысловая фокусировка зачастую достигается посредством дефисного написания. Такой тип комбинаторики может быть назван фокусивным. Например:

Der 34jährige T. ... muß sich dann von *Stau-Shauffeuren* «oft blöd anreden lassen» (Stern, Nr. 31, 1997).

При загруженности автострад простаивание в «пробках» стало неотъемлемой частью повседневной жизни шофера. Поэтому элемент *Stau* выносится в коммуникативный фокус и становится частью обозначения шоферов в определенной ситуации. Тем самым между компонентами композита прослеживаются метонимические отношения смежности.

Иногда коммуникативная маркированность первого компонента описывается в контексте:

...weil er (Goethe) sich oft *emphatisch* als *Augenmensch*, als «zum Sehen geboren, zum Schauen bestellt» genannt hat (Frankfurter Rundschau, Nr. 187, 1999).

3. Следующая разновидность комбинаторики характеризует композиты, первый компонент которых является эпитетом, дающим оценку второму. Этот тип комбинаторики можно назвать градуальным, так как оценка подразумевает шкалу «больше – меньше», «хорошо – плохо». В соответствии с этим эпитеты могут придавать отрицательные или положительные качества второму компоненту композита. Ср.:

...Das Kartellamt hält vor allem den *Abschreckungspreis* von 7 Mark für bedenklich (Spiegel, Nr. 26, 1997).

Wenn morgens... die *Billigtouristen* die schönsten Stellen der Insel überschwemmen, flüchten die feinen Leute in ihre Refugien (Stern, Nr. 31, 1997).

Spät in der Nacht mutiert die ... Illustriertenleserin zur wahren *Vollblutkomikerin* (Berlin life vom 07-13.10.99).

...Mit dem Blick auf die beiden letzten *Universalgenies*... (Goethe und Humboldt – Е.Б.) (Frankfurter Rundschau, Nr. 187, 1999).

В первых двух случаях эпитеты придают второму компоненту композитов негативную оценку. В последних двух примерах эта оценка является положительной.

3а. Разновидностью градуальной комбинаторики являются случаи, когда первый компонент придает второму гиперболический характер:

Hollywood-Filme zu *Mondpreisen* (Spiegel, Nr.26, 1997).

Natürlich herrschte auch zu diesem Anlass «*Kaiserwetter*» (Spiegel, Nr. 43, 1999).

4. Последнюю разновидность в данной группе составляет тип комбинаторики, которая имеет место при ремотивации, то есть новом необычном или забытом осмыслении слова за счет изменения его графического написания [ср. Г.В. Глухов, 85]:

...Zehn Jahre deutsche *GemEinheiten* (=gemeine Einheiten oder germanische Einheiten? – Е.Б.) (Berlin life vom 07.-13.10.99).

Die von der entflohenen herbeigeholte Hilfe muss den an die Natur geklammerten Dichter (Goethe) aus der peinlichen (*Nieder-)*Lage befreien (Frankfurter Rundschau, Nr. 187, 1999).

В последнем примере речь идет об одном случае из жизни Гете, который на склоне лет, погнавшись за молодой девушкой, упал, попав перед ней в неловкое положение. Композит намекает, таким образом, как на его поражение в качестве ухажера, так и на его падение.

II. Для композитов второй группы характерно соотношение смысла самого композита или одной его части с дискурсивным контекстом или культурологическим фоном. Эта группа распадается, таким образом, на две больших подгруппы.

1. Первая из них включает композиты, семантически диссоциирующие с дискурсивным контекстом (контекстуальные метафоры). Примером такой метафоры может служить композит *Ball-Artistik*, употребленный для обозначения мастерства футболиста:

Seine *Ball-Artistik* bringt ihn immerhin in die Bundesliga (Spiegel, Nr. 43, 1999).

Вне контекста данный композит может быть понят, например, как характеристика мастерства жонглера.

2. В этой группе часто встречаются перифразы. Основная их функция заключается в том, чтобы избегать текстовых повторов. Дискурсивный контекст снимает многозначность перифраз. Например:

Die «*Historia*» vom *Teufelsbündner* Faust (Frankfurter Rundschau, Nr. 187, 1999).

Und wer erst einmal gegen seinen *Stubentiger* (Katze – Е.Б.) allergisch ist... (Stern, Nr. 27, 1997).

3. К следующей группе относятся композиты, один из компонентов которых апеллирует к внешнему культурологическому контексту.

3а. Если композит соотносится с литературным или иным художественным произведением, мы имеем дело с аллюзией. Ср.:

Klar, dass sie auf ein *Aschenputtel-Märchen* warten (Stern, Nr. 31, 1997).

Ein *Amazonengalopp*, mit dem die Salzburgerin Brigitta Zimarolli durch ihre 38 Lebensjahre ritt (ebenda).

В первом примере аллюзия прозрачна, это намек на известную сказку. Во втором случае композит содержит аллюзию на мифологический образ.

3б. К внешнему культурологическому контексту апеллируют, на наш взгляд, композиты, содержащие англоязычные заимствования или кальки, передающие структуру английского слова. И.В.Арнольд относит включение в текст иноязычных слов к «кодовой интертекстуальности» [см. И.В.Арнольд; 369-370]. Такие слова «кодируют», с нашей точки зрения, другую культуру. Это с полным правом относится к немецким композитам, содержащим англоязычный компонент. Ср.:

Jetzt, wo er sich in den *Pop-Gefildten* ausgetobt hat (Spiegel, Nr. 43, 1999).

In der zweiten Oktoberwoche hatte Gabrielle Dillmann eine «*Stand-by*»-*Bereitschaft* (Stern, Nr. 27, 1997).

3в. Некоторые композиты апеллируют к историческому культурологическому фону. И.В.Арнольд относит их также к аллюзиям [И.В.Арнольд, там же]. Мы склонны отличать их от собственно аллюзий и называем их реминисценциями. Например:

Möglicherweise beschleunigt die FDP diese *Kamikaze-Aktion* noch (Stern, Nr. 31, 1997).

...die ihre politische Zukunft für die *Nach-Kohl-Ära* planen (eben da).

3г. К культурологическому фону апеллируют также композиты, содержащие фразеологизмы или их части. Ср.:

Im schlimmsten Fall landet solcher Eigenbrötler in der *Klasp-mühle* (Spiegel, Nr. 26, 1997).

В данном случае выражение «in der Klasp-mühle landen» коррелирует с базовым фразеологизмом «in die Zwickmühle geraten».

Следует подчеркнуть, что границы между выделенными группами не всегда определяются четко. Многие композиты содержат признаки сразу нескольких фигур и/или тропов, что создает сложности не только при их анализе и классификации, но и практические трудности с их переводом на другие языки.

Таким образом, проанализированный материал показывает, что субстантивное словосложение как разновидность словообразования

является наряду с морфологией и синтаксисом средством структурирования текста в том или ином функциональном стиле. Наш материал иллюстрирует лишь некоторые способы комбинирования смыслов, на основе которых формируются и функционируют различные стилистические фигуры и тропы. Однако нам представляется, что языковые возможности подобной комбинаторики гораздо шире и разнообразнее в силу своей когнитивной природы. Именно этот факт дает почву для дальнейших фундаментальных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И.В. Поэтика интертекстуальности // Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С.363-371.
2. Глухов Г.В. Прагма-коммуникативные функции словообразовательной компрессии в современном немецком языке (на материале немецкоязычной прессы): Дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1992. – 198 с.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990. – С.387-415.
4. Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. – Ленинград: Наука, 1985. – 299 с.
5. Поликарпова Е.В. Гипербола в современном немецком языке (лексикологический аспект). – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 16 с.
6. Савинкина Н.Б. Пейоративное словообразование в современном немецком языке (на материале имени существительного). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987. – 16 с.
7. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. – М.: Высшая школа, 1984. – 264 с.
8. Фефилов А.И. Морфотемный анализ единиц языка и речи. – Ульяновск, 1997. – 246 с.
9. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров. – М.: МГУ, 1997. – С.350-355.
10. Шендельс Е.И. Сложное слово как минимальный контекст для реализации стилистических фигур // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М.Тореза. – М., 1975. – Вып. 91. – С.82-89.
11. Ladissow A. Untersuchungen zur Konnotation in der nominalen Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Diss. (A), Leipzig, 1981.
12. Paul H. Deutsche Grammatik. Wortbildungslehre. – Halle (Saale): Niemeyer 1957. – Bd. 5 – 142 S.
13. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. – Moskau, 1975.

ИСТОЧНИКИ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Berlin life vom 07. – 13.10.1999.
2. Frankfurter Rundschau Nr. 187, 1999.
3. Spiegel Nr. 26, 1997; Nr. 43, 1999.
4. Stern Nr. 27, 1997; Nr. 31, 1997.

*О.В.Довбыш**
ЗАО «СМАРТС», Самара

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Активное включение России в мировые экономические процессы, расширение сотрудничества между российскими и зарубежными компаниями, появление и бурное развитие новых экономических отношений и явлений влекут за собой столь же стремительное развитие экономики как науки и существенное обогащение языка экономической мысли. В рамках международного сотрудничества ведется обширная деловая корреспонденция, заключается множество контрактов; неуклонно возрастает интерес к иностранной и переводной литературе соответствующей тематики. В этих условиях неизбежно встает вопрос о трудностях, возникающих при переводе экономических текстов.

В роли ключевых слов, обеспечивающих организацию информации в экономическом тексте, выступают соответствующие термины, составляющие терминосистему подязыка экономики. Соответственно, адекватность перевода терминов во многом определяет и адекватность восприятия информации, содержащейся в тексте, носителем другого языка. Однако практика показывает, что именно при работе с экономическими терминами переводчик сталкивается со значительными трудностями.

* © Довбыш О.В., 2000.